

Антон Репонь

Гоголь и Салтыков-Щедрин о Западе и России (европейские впечатления)

Давно отмечено, что художественный талант М. Е. Салтыкова-Щедрина и взгляды его на искусство формировались под непосредственным воздействием Н. В. Гоголя и «натуральной школы». Гоголь для нас зачинатель демократического века в развитии русской литературы, а Салтыков-Щедрин – родоначальник нового, реального направления русской реалистической литературы «золотого века».

Гоголь впервые оказался в Западной Европе, когда ему было двадцать лет (в августе 1829 года после появления поэмы «Ганц Кюхельgarten» писатель уехал в Германию). Италия, Франция, Швейцария, Германия, Австрия, Мальта, Польша... Как известно, писатель любил Европу, подолгу жил за границей. В Италии писатель провёл в общей сложности около пяти лет, в Германии – около трёх с половиной, более двух лет во Франции, около полугода в Швейцарии и более трёх месяцев в Австрии. В целом 12 лет своей жизни писатель прожил в Европе.

В 1875 году по состоянию здоровья Салтыков-Щедрин впервые посетил курортные города Западной Европы. Примерно через пять лет он опять вернулся в Европу и в том же году начал писать и публиковать в «Отечественных записках» свои наблюдения в цикле очерков «За рубежом». Отдельным изданием книга была напечатана в 1881 году. Написание произведения связано с поездкой Салтыкова-Щедрина за границу – в Германию, Францию, Швейцарию, Бельгию (проездом). Следует отметить, что отдельные замечания о жизни в Западной Европе содержатся во многих работах Салтыкова-Щедрина, ведь он всегда интересовался новыми событиями и проблемами в Европе. Причём публицист всегда сравнивал свои

впечатления о жизни в Западной Европе с положением народа России. Салтыков-Щедрин не только узнаёт собственными глазами мир Западной Европы, о котором так восторженно отзывались некоторые русские либералы, но также изображает «русского путешественника», сравнивает Россию с Европой. Его острые глаза обнаружили, что все буржуазные свободы – это только один большой камуфляж. Он находит много общего между царским режимом и режимом буржуазной демократии. Тем не менее он признаёт «более тонкие формы» западной жизни и продвижения европейского режима по сравнению с Российской империей.

«За рубежом» – одна из великих русских книг о Западе, поэтому она стоит в одном ряду с «Письмами русского путешественника» Карамзина, с «Зимними заметками о летних впечатлениях» Достоевского, «Больной совестью» Успенского; предшествует «Прекрасной Франции» Горького и «Скифам» Блока. Салтыков внимательно наблюдает за жизнью Западной Европы, и эти наблюдения находим в публицистических и философских размышлениях о России и Европе, о судьбах народа, человечества, цивилизации.

В центре очерка Салтыкова-Щедрина – образ буржуазной Европы, и поначалу нам кажется, что Европа хороша (живописные поля, где у немцев богатейший урожай, красивые жилища, сравниваемые с русскими домами с клокоченной соломенной крышей). Салтыков-Щедрин делает сравнение на примере чембарских черноземов, где глубина почв достигает двух аршин. В Кенигсберге – болотистые места, но «буйные хлеба» [XIV: 3]. Русские помирать готовы, если дождичка нет, а те помирать не хотят. В Европе главенствует безыдейная сытость, стремление к обогащению [XIV: 3] – так охарактеризовал их Щедрин.

Показ европейских стран в прозе Гоголя порой обнаруживает сплетение личных переживаний писателя с литературными конвенциями, что отделить первые от вторых почти невозможно. Первой страной, которую Гоголь посетил, была Германия (Любек, Гамбург, Франкфурт и т. д.), в которой сначала он ищет совместные сходства/параллели с Россией. Его литературное начало – поэма «Ганц Кюхельгартен», циклы «Вечеров» и «Арабесок» – свидетельствуют о влиянии немецкого романтизма и немецкой эстетики (Гофман, Гейне, Шиллер). Но Германия в его глазах уже не представляет «ворота Европы», вызывает в писателе разочарование.

Италия была последней страной, которую Гоголь открыл для себя в Европе, но эта последняя страна стала первой в его сознании и воображении. Первое признание в любви к Италии (Риму) Гоголя (1837) было основано на ощущении, что он вновь попал в места своего детства, то есть на ощущении сродства Рима и Малороссии. Примером тут может служить негативная характеристика Франции и Парижа, которая содержится в повести «Рим». В движении торговли, ума, во всём видел он только напряжённое усилие и стремление к новости. Купец весь капитал свой употреблял только на уборку магазина; книжная литература прибегала к картинкам и типографической роскоши; в самой науке везде желание высказаться, хвастнуть, выставить себя; везде блестящие эпизоды, и нет торжественного, величавого течения целого. Перед нами, при всех поправках на реальные впечатления, – типичное описание Парижа как хаотического Вавилона.

В очерке Салтыкова-Щедрина «За рубежом» перед читателем открывается коллекция образов – в большинстве не живописные или скульптурные «портреты», а графические «профили» и «силуэты». Таковы, в частности, все образы французских «сытых буржуа» и «республиканцев без республики», как групповые, так и индивидуальные. Русские политические деятели выступают всюду под сатирическими названиями анонимно, но французские представлены также и под своими собственными именами: Гамбетта, Клемансо, Греви и др. В этой галерее крупнейших деятелей Третьей республики с наиболее едким сарказмом нарисован образ «сенатора и стыдливого либерала» (также и писателя) Лабуле в буффонной сцене завтрака «автора» с Лабуле в ресторане. Предметом сатирической критики Салтыкова является принцип «накопления богатств».

Но Париж всё-таки пришёлся писателю по душе. Перед ним открылся чистый город, светлый, свободно двигающийся, и, главное, без мизантропии, которая так упорно преследует заезжего человека в Берлине. Каждый человек, даже и самый угрюмый, самый больной человек как только очутится на улицах Парижа, а в особенности на его истинно сказочных бульварах, то почувствует доброе расположение духа. Солнце весёлое, воздух весёлый, магазины, рестораны, сады, даже улицы и площади – всё весёлое:

Клянусь, глаз не оторвёте от этого зрелища. Какая масса пространства, воздуха, света! И как всё в этой массе гармонически комбинировано, чтоб громадность не переходила в пустыню, чтоб она не подавляла человека, а только пробуждала и поддерживала в нём весёлую бодрость духа! [XIV: 29].

Новому Вавилону Гоголь, как мы знаем, решительно противопоставил Италию, в которой видел апофеоз красоты, душевной цельности, органичности и нравственного здоровья. В первом письме к матери из Рима (28/16 марта 1837 год) говорится:

Дни летние, солнце прекрасное, звёзды ещё лучше блестят – в несколько раз ярче, нежели у нас. Словом, небо настоящее италийское [XI: 90].

Смысл этого сопоставления ясен – здесь, т. е. в Италии, уже сама природа прекраснее, чем «у нас», т. е. в России. Это противопоставление сохраняется в письмах из Рима надолго. К восхищению природой прибавляется и выполнение его мечты – увидеть искусство Италии:

Я не смотрел ещё картинных галерей, ни множества разных дворцов, где смотреть станет на целый год. Вся земля пахнет и дышит художниками и картинами. Мозаики и антики продаются кучами [XI: 90].

В письме к Н. Я. Прокоповичу от того же 30 марта Гоголь пишет:

Что тебе сказать об Италии? Она прекрасна. Она менее поразит с первого раза, нежели после. Только всматриваясь более и более, видишь и чувствуешь её тайную прелесть. В небе и облаках виден какой-то серебряный блеск. Солнечный свет далее объемлет горизонт. А ночи?.. прекрасны. Звёзды блещут сильнее, нежели у нас, и по виду

кажутся больше наших, как планеты. А воздух? – он так чист, что дальние предметы кажутся близкими <...> Влюбляешься в Рим очень медленно, понемногу – и уже на всю жизнь. Словом, вся Европа для того, чтобы смотреть, а Италия (Рим) – для того, чтобы жить [XI: 98, 95].

Здесь же, в Риме, даже воздух кажется «божественным» [XI: 113].

Во второй приезд в Рим, в апреле 1838 года, Гоголь с ещё большим восторгом пишет о нём:

И когда я увидел, наконец, во второй раз Рим, о, как он мне казался лучше прежнего! Мне казалось, что будто я увидел свою родину, в которой несколько лет не бывал я, а в которой жили только мои мысли. Но нет, это всё не то, не свою родину, но родину души своей увидел, где душа моя жила ещё прежде меня, прежде чем я родился на свет [XI: 141].

Рим в его письмах – это его художественная родина, это город его мечты, его идеал, созданный как будто для свободной жизни в мире красоты, в мире искусства. Это особенно заметно в поведении Гоголя, когда он знакомит с Римом своих друзей – Жуковского, Балабину, Смирнову. В этих ситуациях Гоголь как бы чувствовал себя хозяином и гидом Рима.

Судьба России, её прошлое, настоящее и будущее – всё это волновало обоих писателей. По мере углубления духовно-религиозных поисков Гоголь всё более и более прикипает к русской земле. Вопреки тому, что он был страстно увлечён Италией, Римом, которые он называл «рай», «душенька моя Италия», «родина», «див природы» и «див искусства», надо подчеркнуть, что это была чисто эстетическая любовь – любование. Она не насыщала в полной мере душу Гоголя, поэтому в Риме он и пишет свою знаменитую поэму о России – духовной скиталице – «Мёртвые души». Самая жгучая и сильная его любовь – к России.

Отношение Салтыкова-Щедрина к французской и западноевропейской литературе таково, что он не может терпеть французского натурализма (глава 4), потому что подходы и принципы русского реализма¹ несколько иные, нежели у современной ему школы французских реалистов.

Публицист утверждает, что русские писатели в эту область включают *все* человека, со *все*м разнообразием его определений и действительности; а французы же главным образом интересуются торсом человека:

С этой точки зрения Виктор Гюго, например, представляется в глазах Золю чуть ли не гороховым шутком, да, вероятно, той же участи подверглась бы и Жорж Занд, если б очередь дошла до неё. По крайней мере, никто нынче об ней не вспоминает, хотя за ней числятся такие создания, как «Орас» и «Лукреция Флориани», в которых подавляющий реализм идёт об руку с самою горячею и страстною идейностью².

¹ Требуется разъяснения терминология Салтыкова, всюду, вполне в духе времени, употреблявшего слово «реализм» вместо «натурализм». Термин «реализм» впервые зафиксирован в России только в конце 1850-х годов, поэтому употребление вместо него дефиниции «натурализм» вполне оправданно.

² Салтыков-Щедрин М. Е. Полное собрание сочинений: В 20 т. М., 1965–1977. Т. 14. С. 39.

Гоголь был твёрдо убеждён, что пока жива вера в народе, будет жив и сам народ. Как писал русский историк Николай Тальберг, «малороссийский народ был в огромной массе своей с Гоголем, а не с теми отщепенцами, которые, подобно сыну Тарасову – Андрию, отреклись от тысячелетней России» [Цит. по: Воропаев, 2012].

Таков путь Гоголя: от малой родины к родине великой, всеохватной и от неё к родине небесной. Потому-то он оценивал Россию как храм, как монастырь: «Монастырь ваш – Россия» [VIII: 301]. А монастырь, по выражению одного подвижника благочестия, – это станция на пути от земли к небу [Варсонофий, 1991: 53]. Такой небесной станцией, такой землёй, возводящей на небо, и стала для писателя Россия – Русь.

В повествовании Салтыкова-Щедрина используется приём двуплановости: Европа и Россия, и именно сквозь призму западных порядков звучит голос о России. Для Щедрина – ни в Европе ни в России – нет прогресса, потому что в России колупаевы и разуваевы, у немцев – господин Гехт («щучка»). Эта мысль прослеживается во всех частях произведения.

Именно мучительная и жертвенная любовь Гоголя к России и привела его к безвременной смерти. Как писал И. С. Тургенев в знаменитом некрологе, «да, он умер, этот человек, которого мы теперь имеем право, горькое право, данное нам смертью, назвать великим; человек, который своим именем означил эпоху в истории нашей литературы; человек, которым мы гордимся, как одной из слав наших!»¹.

Писатели не могли остановиться только на характеристике явлений действительности, они проникали глубоко в сущность явления и человека. Образ дороги у обоих писателей предельно семантизируется. Если у Гоголя – дорога – это символ движущейся жизни с оптимистическим взглядом в будущее, то у Салтыкова-Щедрина – это символ остановившейся жизни, связанный со смертью. Там, где нет движения вперёд, нет эволюции, туда, в конечном итоге, приходит смерть. Салтыков-Щедрин обратился в своём очерке к истории Отечества, намереваясь изобразить начало конца деспотичной, бесчеловечной, антинародной власти. Россия Гоголя и Салтыкова-Щедрина неразрывно связана с образом народа, его идеалами, устремлениями, трудолюбием, талантливостью, но и долготерпением. Сочувствие страданиям народа и осуждение его безропотности – такова авторская позиция писателей.

Литература

Варсонофий, схиархимандрит Оптинского скита. Беседы схиархимандрита Оптинского скита Варсонофия с духовными детьми. СПб., 1991.

Воропаев В. А. Гоголь и Украина: Пусть же стоит на вечные времена православная Русская земля // Режим доступа: http://yanukovich2004.narod.ru/civis/gogol_ukr.htm.

¹ Тургенев И. С. Гоголь. Из писем. Письмо из Петербурга // Московские ведомости. 1852. 13 марта. № 32. С. 328–329.